

УДК 069(470::314.743)

Л. П. Муромцева

ТИПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТСКИХ МУЗЕЕВ

В течение XX в. в российском зарубежье было создано значительное количество музеев, которые различались по тематической направленности и составу своих коллекций, количественным и качественным параметрам собраний, правовому статусу. В «зарубежной России» существовали музеи общеисторического профиля, т.е. собиравшие и экспонировавшие вещевые и документальные памятники, а также произведения искусства, отражающие различные события истории и культуры России. Наиболее значительными среди музеев такого типа являлись Русский культурно-исторический музей в Збраславском замке под Прагой, Музей русской культуры в Сан-Франциско и музей Общества «Родина» в Лейквуде (США). Небольшие музеи историко-культурного профиля существовали в различных центрах российской диаспоры в Европе, США и других регионах мира. Историко-культурные музеи зарубежной России создавались преимущественно по инициативе общественных объединений и преследовали цель сохранения всех памятников отечественной истории и культуры, какие удастся выявить, приобрести или получить в дар для музея, независимо от времени их возникновения, материала и т. п.¹

Материалы эмигрантских музейных собраний характеризовали историю и культуру России, жизнь и быт российского зарубежья. Но в большинстве случаев их создатели и хранители не могли, да и не ставили задачу формирования всесторонней картины покинутой ими Родины с помощью экспонатов. В условиях поспешной эвакуации, отсутствия прочных и постоянных контактов с ней их подбор носил нередко случайный характер. На складывание внутреннего облика эмигрантских музеев (обычно однотипного и одностороннего по своей сути) часто влияли их идеологические разногласия с большевиками,

¹ Музейное дело в зарубежной России XX в. нашло частичное отражение в работах Е. С. Докашевой, М. А. Дорофеевой, М. К. Меняйленко, Л. П. Муромцевой и др. Наибольшее внимание традиционно уделяется музейно-собирательской и просветительной работе российской эмиграции в межвоенный период. Особенно Русскому культурно-историческому музею в Праге. Однако в последние годы российские исследователи начинают проявлять интерес и к музейному делу зарубежной России в США, затрагивают историю перемещения музейных коллекций из стран европейского и тихоокеанского регионов на Североамериканский континент. См.: *Докашева Е. С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993; *Дорофеева М. А.* Из истории Харбинского музея (1922 – 1950 гг.) // Клио. 2004. № 3 (26). С. 170-178; *Куклинова И. А.* Харбинский Музей Общества изучения Маньчжурского края и его деятельность // Наука, культура и политика русской эмиграции. Сб. статей и материалов. СПб., 2004. С. 120-125; *Меняйленко М. К.* Музею русской культуры в Сан-Франциско – 60 лет // Отечественные архивы. 2008. № 1. С. 23-31; *Муромцева Л. П.*: 1) Реликвии российской послереволюционной эмиграции во Франции // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2007. Вып. 8. С. 14-23; 2) Музеи и частные коллекции российского и украинского зарубежья в США и Канаде // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 5. С. 91-111; 3) В. Ф. Булгаков и Русский культурно-исторический музей в Праге // Россия и современный мир. 2010. № 3 (68). С. 182-194; 4) «И полоцкое знамя выносятся в кадетские ряды ...». Русские святыни в Югославии // Родина. 2010. № 3. С. 110-112; *Муромцева Л. П., Перхавко В. Б.* История и культура России в музейных собраниях эмиграции // История и историки: Историографический вестник. 2003. М., 2003. С. 192-244 и др.

неприятие новой власти. Так, события Гражданской войны в них, конечно, показывались с позиции Белого движения. Небольшие музейные интерьеры с соответствующими экспонатами будили у эмигрантов воспоминания о недавнем прошлом, о предреволюционной жизни, о Первой мировой войне и походах периода Гражданской войны.

Сохраняя вывезенные из России и создавая новые коллекции исторических реликвий, энтузиасты-эмигранты думали, прежде всего, о всеобщем благе, а не о личных, меркантильных интересах. При этом формирование коллекционного фонда российской эмиграции в значительной степени было определено ее психологическими особенностями: «бросая личные вещи, многие беженцы пытались сохранить дорогие им семейные реликвии: фотографии, письма, документы, дневники, мемуары, иконы, награды ...»². В эмигрантской среде была сильна тяга к родным российским корням. Музейные вещи играли роль своеобразных духовных символов, связывавших эмигрантов с покинутой для большинства из них навсегда Россией. Они постоянно напоминали о ней, помогали перенести тяжесть разлуки с Родиной, сохранить чувство национальной гордости и патриотизма. Вглядываясь в фотографии однополчан времен Первой мировой и Гражданской войн, в свои ордена и медали, наградные знаки, изгнанники свято верили, что когда-нибудь вернутся в родные места.

Историзм как важнейшая идейная основа культурно-общественной деятельности российской эмиграции обусловил создание в зарубежной России различных типов исторических музеев – военно-исторических, церковно-исторических, археологических, мемориальных и др.

Русскими эмигрантами предпринимались и попытки создания научно-технических, краеведческих, этнографических и естественнонаучных коллекций и музеев. Таким замечательным собранием обладало Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК) в Харбине.

Наиболее распространенным типом музейного объекта в российском зарубежье в 1920 – 1930-е гг. являлись военно-исторические музеи, которые нередко сочетали в себе признаки корпоративного и историко-культурного музея. Связано это было, с одной стороны, с разобщенностью эмигрантских политиков и деятелей культуры, а, с другой, – с большей сплоченностью и организованностью военных кругов российской эмиграции. Кроме того, в ходе эвакуации за границу белых армий ими было вывезено значительное количество историко-культурных памятников и архивных документов военной тематики. Вот почему значительная часть эмигрантских музейных коллекций отражала прежде всего историю русской армии, Первой мировой и Гражданской войн.

Как известно, институциональная система российской эмиграции послереволюционного периода включала множество воинских обществ и союзов, большинство из которых строились по принципу принадлежности к какому-либо воинскому подразделению, роду войск или военно-учебному заведению. Еще в начале XX в. в российской армии возникло достаточно активное историко-культурное движение, результатом которого стало составление полковых историй и создание полковых музеев³. Первая мировая война явилась дополнительным стимулом для образования новых военных музеев и пополнения

² Чельшев Е. П. Российская эмиграция: 1920 – 30-е годы. История и современность. М., 2002. С. 178.

³ Разгон А. М. Очерк истории военных музеев в России (1861 – 1917) // Труды НИИ музееведения. М., 1962. Вып. VII. С. 189-190; Кузнецов А. М. Военные музеи в императорской России // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 56-61.

существующих собраний Артиллерийского, Военно-морского и других музеев, куда уже в 1914 – 1915 гг. стали поступать военные трофеи и прочие реликвии Первой мировой войны. Часть полковых музеев, прежде всего музеев императорской гвардии, незадолго до революции 1917 г. была объединена в Военно-Исторический музей (ВИМ), существовавший в Москве как самостоятельное учреждение до 1925 г.

При этом в полках и дивизиях, как в «старых», так и созданных в процессе развития Белого движения, продолжалось формирование фондов воинских реликвий (знамен, наградных труб, грамот и т.п.) и текущих служебных архивов, шло составление боевых летописей, в ряде случаев – фотофиксация военного быта и т.д. Все это было по возможности вывезено за границу и легло в основу военных музеев российского зарубежья. Так, в основе фондов открывшегося в 1930 г. в Париже Лейб-казачьего музея находились военные реликвии бывшего Лейб-гвардии Казачьего его величества полка, вывезенные из Петрограда после Февральской революции и содержавшие образцы обмундирования и снаряжения, предметы, принадлежавшие офицерскому составу, батальонные картины. Инициаторами организации музеев выступали и объединения военных эмигрантов, которые создавались по принципу участия в каком-либо событии или сражении: союзы ветеранов Первой мировой войны, общества галлиполийцев, существовавшие во всех крупных российских диаспорах в межвоенный период⁴.

В условиях изгнания оружие и военное снаряжение, знамена, полковые иконы утратили свое практическое значение и перешли в разряд музейных предметов. В то же время они оставались для военных организаций эмиграции не только символами прошлого, но и образом будущего военно-политического рванша. При этом в российском зарубежье, включая военную среду, существовала практика передачи на временное хранение в музеи и архивы личных и семейных историко-документальных собраний⁵. По данным на 1 ноября 1936 г. в Музее русской конницы в Белграде хранилось 514 предметов, из них 325 составляли собственность музея, 157 – принадлежали полковым объединениям и 32 – частным лицам⁶.

Экспозиции эмигрантских военных музеев играли значительную роль в процессе культурно-просветительной работы российской эмиграции, причем способствовали не только поддержанию интереса к отечественной истории в эмигрантском сообществе, но и были призваны оказывать определенное идейное воздействие на посетителей. «С биением сердца можно переходить от одного портрета к другому, от одной гравюры к другой, к изображениям атак наших доблестных полков и батарей, а также к изображениям полков и батарей конницы в ее обучении, в ее повседневной жизни и в изображениях ее быта и т.д. Великий Суворов, вереницей за ним герои и партизаны Отечественной войны – Кульнев, Дорохов, Денис Давыдов, Сеславин, Платов и Фигнер, а дальше портреты позднейших по времени к нам начальников, представляющих собою галерею наших вождей, строго глядящих на нас со стен, призывая нас к великому подвигу спасения нашей поработанной Родины ...»⁷.

⁴ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920 – 1940: Франция. Париж, 1995. Т. 1. С. 267.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6800. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

⁷ Музей Русской конницы в г. Белграде // Часовой. 1939. № 236-237. С. 36.

Появление военно-исторических музеев в «столицах» зарубежной России побуждало корпоративные объединения российских военных эмигрантов создавать учреждения историко-культурного назначения в разных странах мира. Так, организация в 1928 г. Музея русской конницы в Белграде дала идею создания отделов по сбору для него военно-исторических материалов в Бейруте (Сирия), Скопье и Нише (Югославия), а в 1934 г. было образовано «Общество ревнителей истории русской конницы» в Париже⁸.

Музейная работа военных эмигрантов, как правило, сочеталась с научно-исследовательской и публикаторской деятельностью. Один из русских литераторов-эмигрантов Георгий Адамович Гоштовт, писавший по военной тематике, дал весьма точную оценку этой подвижнической деятельности эмигрантской военной интеллигенции: «Мы, находящиеся за рубежом, офицеры Императорской Армии, поставившие себе целью – печатным словом увековечить жертвенное боевое служение наших частей, верим и знаем, что своею работой мы выполняем не только долг перед родными старыми полками, но и выполняем выпавшую на нас историческую миссию»⁹.

Самостоятельную группу среди военных музеев составляли хранилища истории и культуры казачества, в коллекциях которых, наряду с темой военной истории, было достаточно ярко выражено этнографическое направление. В них собирались и экспонировались предметы повседневного быта, впитавшие традиции народов Юга России, Кавказа, Украины, Урала, Сибири и других регионов размещения казачьих войск: одежда, меха, посуда, походные самовары и сундуки, трубки и кисеты т.п. Следует отметить также, что в казачьих музеях и частных коллекциях было представлено значительное количество ценных предметов и документов XVII – XVIII вв. (атаманские булавы, братины, грамоты, холодное оружие). В частности, особого внимания заслуживает Музей Кубанского казачьего войска в США, недавно переданный в Россию¹⁰.

Важная роль в создании музейных собраний российского зарубежья принадлежала военно-морской эмиграции. Помимо получивших достаточно широкую известность организаций – Военно-морского союза (ВМС) и Кают-компаний морских офицеров в Париже, Общества офицеров российского императорского флота в Америке (Нью-Йорк) и Кают-компаний в Сан-Франциско, осуществлявших музейную и научно-исследовательскую работы в области истории российского флота, необходимо упомянуть два замечательных частных собрания. Первое было создано в Тунисе усилиями бывшего капитана-подводника Н. А. Монастырева, автора ряда книг и воспоминаний о российском военно-морском флоте, и включало собственноручно изготовленные им модели кораблей, главным образом, подводных лодок, участвовавших в Первой мировой войне, русские ордена и погоны, холодное оружие, фотографии, военно-морские флаги и т.п. Второе сформировалось в 1930-е гг. в Альтенбургском замке (Германия) по инициативе княжны Веры Константиновны Романовой (1906 – 2001), которая принимала живое участие в историко-культурной работе РОВС и ВМС¹¹.

Военно-исторические музеи российского зарубежья не являлись в полной мере публичными, хотя самые крупные из них, такие, как Музей русской конницы в Белграде

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6800. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

⁹ Гоштовт Г. Кирасиры Его Величества в Великую войну. Париж, [б. г.]. С. 8-10.

¹⁰ Муромцева Л. П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции // Отечественная история. 2008. № 3. С. 77-86.

¹¹ Часовой. 1934. № 116-117. С. 3; № 131-132. С. 18.

или Лейб-казачий музей в Париже, были открыты для посетителей. В большей степени они носили характер корпоративных культурных центров и использовались для мероприятий, проводившихся воинскими союзами и учебными заведениями. Так, «в гостеприимных стенах Лейб-казачьего музея в Курбевуа происходят собрания и празднования русской военной эмиграции во Франции»¹². Порой военная атрибутика и мемориальные предметы из эмигрантских музеев использовались для оформления залов офицерских собраний, интерьеров военно-учебных заведений¹³. Фактически, военные музеи русского зарубежья являлись частью воинской среды эмиграции, одной из важнейших составляющих ее институциональной основы.

После Второй мировой войны историко-культурная деятельность в российском зарубежье была во многом возобновлена с нуля: в Европе погибли или были разрознены многие созданные ранее музейные и архивные собрания, погибли и надежды эмиграции на возвращение домой. Тем не менее корпоративные объединения военных эмигрантов, часть которых продолжала свою деятельность во Франции, США и ряде других стран в 1940 – 1970-е гг., сохраняли активность в историко-культурной сфере, придавая собиранию и демонстрации военно-исторических памятников большое значение в деле сохранения новыми поколениями эмигрантов их культурной идентичности. В 1944 г. в Сан-Франциско был открыт музей при Обществе русских ветеранов Великой войны, экспонаты для которого собирались с 1940 г.¹⁴ Его организаторы писали: «Чем дальше отходили вглубь истории годы Великой и Гражданской войны, тем больше начиналась чувствоваться необходимость сохранять не для себя уже, а для будущего реликвии прошлого и предметы быта Армии ... Наш музей мы считаем не просто хранилищем для обозрения интересующейся публикой исторических реликвий и экспонатов из прошлого Русской Армии, а памятником отошедшей исторической эпохи, вещественным свидетелем жизни и дел наших дедов и отцов, а также памятником наших лихолетий и Белой борьбы»¹⁵. В США были перемещены некоторые особо ценные музейные собрания российской военной эмиграции из Европы. В частности, в США был перевезен музей Николаевского кавалерийского училища, действовавший в межвоенный период в Париже¹⁶, а также реликвии Кубанского казачьего войска.

Во Франции в послевоенный период продолжали действовать несколько военно-исторических музеев разного масштаба. Кроме того, российское зарубежье считало своими русские отделы двух крупных европейских военных музеев: Дома Инвалидов в Париже и Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе. Оба собрания создавались и развивались при активном участии российской военной эмиграции. «В Бельгийском королевском музее в Брюсселе существует прекрасный Отдел Российской армии, занимающий наиболее почетное место среди всех других иностранных отделов. В Музее особенно хорошо представлены витрины Лейб-гвардии. Казачьего е.и.в. полка; кроме них имеются витрины Конногвардейцев, Флота и др. В библиотеке музея находится ряд цен-

¹² *Немо*. О русских военных музеях в эмиграции // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско, 1966. С. 87.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-6800. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

¹⁴ *Попов А. В.* Военные музеи и архивы русского зарубежья // Вестник архивиста. 2003. № 2. С. 210.

¹⁵ Там же. С. 211.

¹⁶ Сборник 25-летнего юбилея культурно-просветительского и благотворительного общества «Родина». 1954 – 1979. Нью-Йорк, 1979. С. 45.

ных военных изданий», – писали военные эмигранты в журнале «Часовой» в 1939 г.¹⁷ Редакция журнала обращалась к российским военным эмигрантам с просьбой передавать имевшиеся исторические материалы в Бельгийский Королевский музей: «... у кого остались памятные о российской армии вещи, которые нужно сохранить для будущей России, передавать на хранение в Русский отдел Бельгийского Королевского музея, который с исключительной заботой относится ко всем вещам. Майор Леконт – директор Королевского музея и наш большой друг – гарантирует полную сохранность всех сданных в Музей предметов до восстановления России. Все нужные справки можно получить в редакции «Часового», которая находится в тесном сотрудничестве с администрацией Королевского музея»¹⁸.

Поскольку военная эмиграция оказалась одной из наиболее устойчивых институциональных систем российского зарубежья XX в., в ее структуре и сейчас продолжает функционировать ряд музейных центров, созданных в 1930 – 1970-е гг. Так, в США до настоящего времени действуют Музей Казачьего Союза, Музей Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско и Музей Общества русских ветеранов Великой войны в Лос-Анджелесе. Собрание казачьих реликвий Музея Кубанского казачьего войска за рубежом (г. Ховелл, штат Нью-Джерси) в 2007–2011 гг. было практически полностью возвращено на родину; в музее продолжают экспонироваться лишь личные вещи, письма, книги, фотографии, отражающие судьбы казаков-эмигрантов XX в.¹⁹ Из существующих ныне крупных эмигрантских военно-исторических собраний в Европе следует назвать Музей Лейб-гвардии казачьего полка в Париже и частную военно-историческую коллекцию Шапрона дю Ларрэ (Франция/Бельгия).

По мере того, как сокращалась численность военной эмиграции послереволюционной волны и снижалась активность ее общественных объединений, возникал вопрос о сохранности принадлежавших им музейных ценностей, в том числе, о передаче их в ведение более крупных историко-культурных центров за рубежом, а в 1990-е гг. – и на родину. Так, в 1974 г. музейная коллекция и архив Общества бывших русских морских офицеров в Америке были переданы обществу «Родина», которое впоследствии осуществило передачу значительной части собрания Российскому фонду культуры, Центральному военно-морскому музею, Российскому государственному архиву военно-морского флота и Центральной военно-морской библиотеке в Санкт-Петербурге²⁰. В 1980-х гг. прекратила свое существование одна из ведущих военно-морских организаций Русской Америки «Кают-Компания», после чего часть ее музейного собрания перешла к Музею общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско²¹. В свою очередь, его руководство в 2002 г. приняло принципиальное решение о возвращении собранных коллекций в Россию.

В силу многочисленности военной диаспоры и ее активности в историко-культурной сфере ведущие историко-культурные музеи и историко-документальные центры собрали крупные военно-исторические коллекции, которые с годами постоянно пополнялись. Так, значительные по объему и ценные в музейном отношении военно-исторические собрания

¹⁷ Русский отдел Бельгийского Королевского музея // Часовой. 1939. № 228-229. С. 35.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шульгатый Д. Казачий музей в Нью-Джерси таковым и остается // Новая газета Кубани. Вып. 81 (1687). 24 октября 2011 г.

²⁰ Вспоминая Российский императорский флот. К 15-летию РФК. М., 2001. С. 2.

²¹ Забелин С. Н. Музей Общества ветеранов // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско, 1993. № 272. С. 31.

имели Музей русской культуры в Сан-Франциско, Музей общества «Родина» в Лейквуде и др.²²

Тематически связаны с историей российской армии и Белого движения собрания эмигрантских церковно-исторических музеев. В частности, при русском Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), основанном в 1930 г., был создан Музей русской истории, где хранятся коллекции архивных документов РОВС, Штаба Вооруженных сил юга России, большое количество личных фондов общественных и культурных деятелей российской эмиграции в США. Особое мемориальное значение имеют реликвии царской семьи, переданные монастырю княжной Верой Константиновной Романовой незадолго до ее кончины²³. В 2007 г. церковные реликвии из Джорданвилля экспонировались в музейном центре храма Христа Спасителя в Москве²⁴. В составе историко-культурных собраний Русской Америки имеются также иконы и предметы церковной утвари, отражающие различные аспекты истории российской эмиграции первой и второй волны. Так, в Доме святителя Тихона Задонского в Сан-Франциско в настоящее время размещается иконостас, вывезенный из Китая²⁵. В часовне Казанской Божьей Матери в Вест-Хайаниспорт (штат Массачусетс), открытой священником и публицистом Д. Константиновым, была собрана утварь из походной церкви Русской освободительной армии.

Старинные иконы и другие культовые вещи находятся в русских православных храмах Парижа, Аньера, Медона и других городов Франции. В православном соборе св. Александра Невского на улице Дарю в Париже, например, можно увидеть икону «Вознесение» (дар императора Александра II), бронзовую икону устюжской школы с эмалью и жемчугом (с медальоном генерала М. Г. Черняева), полковые иконы, русские награды (ордена, медали) в киотах. В крипте православного Свято-Николаевского собора в Ницце разместился своеобразный Музей русской колонии, в котором хранятся иконы, портреты русских императоров, ордена, медали, знамена, штандарты, гусарский мундир с позументами и прочие раритеты²⁶. Некоторые реликвии российской эмиграции нашли прибежище в действующих православных храмах Сербии и других государствах Центральной и Восточной Европы.

В 1920 – 1930-е гг. за границей оказалось значительное количество художественных ценностей российского происхождения. Как отмечал П. Е. Ковалевский, «в частных руках хранились настоящие сокровища искусства»²⁷. Самостоятельный, многообразный пласт российского художественного наследия XX в. сформировался во Франции, США, на Дальнем Востоке в результате деятельности русских художников и скульпторов. Часть их произведений и творческих архивов вошла в состав музеев и частных коллекций, созданных российскими эмигрантами.

Из них, пожалуй, наиболее ценным являлось собрание Русского культурно-исторического музея в Праге, основанного В. Ф. Булгаковым. В 1938г. в Риге с помощью художника А. И. Юпагова Булгакову удалось напечатать вначале краткий каталог, а затем даже

²² Попов А. В. Военные музеи и архивы ... С. 212-215.

²³ Айкона Т. Уголки Святой Руси в Нью-Йоркском штате // Православная жизнь. 2001. № 12 (623). С. 4-5, 7.

²⁴ Воробьева О. В. Русская Америка в XX веке. Историко-культурный аспект. М., 2010. С. 135.

²⁵ Живет душа Россией: неизвестные страницы русского зарубежья / Сост. Т. В. Таболина. М., 2005. С. 69.

²⁶ Ponfily R. de. Guide des Russes en France. Paris, 1990. P. 260, 308, 395.

²⁷ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж, 1973. С. 72.

альбом художественных собраний музея, включавший около 400 произведений живописи и скульптуры²⁸. Первоначально музей состоял из следующих отделений: художественного (картины, рисунки, скульптура); архитектурного (чертежи и проекты зданий русских архитекторов, оказавшихся в Чехословакии, Эстонии, Югославии); истории эмиграции; русской старины (с отделом автографов и фотографий). При музее имелась библиотека с собранием редких книг о России. В архивном фонде РКИМ находились автографы Л. Н. Толстого; рукописи М. Алданова, М. Арцыбашева, И. Бунина, М. Цветаевой, Б. Зайцева; письма Г. Адамовича, М. Осоргина, Н. Тэффи и др. Накануне Второй мировой войны коллекции музея продолжали пополняться материалами, в частности, связанными с жизнью А. И. Герцена, появились два новых отдела – Пушкинский и театральные²⁹. В 1945 – 1948 гг. собрания РКИМ были перевезены из Чехословакии в СССР, где их распределили между крупнейшими музеями Москвы и Ленинграда³⁰.

Помимо коллекций произведений искусства, которые входили в состав ведущих историко-культурных центров, в российском зарубежье, начиная с 1920-х гг., действовало несколько самостоятельных художественных музеев, таких как Музей им. С. П. Дягилева и Русский музыкальный исторический музей в Париже, Музей им. Н. К. Рериха в Нью-Йорке и др.

Одним из элементов художественной жизни российской эмиграции было частное коллекционирование, которое, утратив дореволюционный размах, все же сохраняло свое качество и культурное значение.

Частное военно-историческое коллекционирование являлось важным элементом культурно-просветительной деятельности российской военной эмиграции в США, Европе и на Дальнем Востоке. Парижский «Кружок любителей русской военной старины», объединяющий многих коллекционеров, систематически публиковал в своем бюллетене сведения о различных коллекциях и пожеланиях коллекционеров, разыскивающих ту или иную редкую вещь. Воинскими обществами и союзами устраивались выставки предметов, документов, произведений искусства военно-исторической тематики из частных собраний. Нередко подобные коллекции передавались их владельцами в дар военным музеям российского зарубежья. В музейные собрания поступали также боевые награды скончавшихся в эмиграции бывших российских генералов и офицеров³¹.

Коллекции произведений искусства в российском зарубежье имели, как правило, те немногие эмигранты, которые вывезли за рубеж свои капиталы и личное имущество. Кроме того, предметом коллекционирования стали образцы нового русского зарубежного искусства – произведения художников и скульпторов-эмигрантов.

Во многих случаях частные художественные коллекции российских эмигрантов передавались ими в Русский культурно-исторический музей в Праге, а в послевоенный период – в историко-культурные музеи Русской Америки³².

Увлечение коллекционированием было характерно для российской эмиграции и во второй половине XX в. Об этом свидетельствует, в частности, существование на радио «Свобода» циклов передач «Филателия» и «Уголок коллекционера», которые в 1960 –

²⁸ Булгаков В. Ф., Юпатов А. И. Русское искусство за рубежом. Прага; Рига, 1938. С. 11, 16-17.

²⁹ Муромцева Л. П. В. Ф. Булгаков и Русский культурно-исторический музей в Праге. С. 182-194.

³⁰ Лазарев В. Я. Хождение не за три моря. Тула, 1969. С. 38.

³¹ Русская эмиграция на Дарданеллах // Военная мысль и революция. М., 1923. Кн. 4. С. 146.

³² ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 55 об.

1970-е гг. вел известный деятель эмигрантского молодежного движения Р. В. Полчанинов³³.

В рамках Русской Америки возник также тип литературного музея, причем развитие данного направления в историко-культурной деятельности российского зарубежья проявилось в 1990-е гг. Эту тенденцию, вероятно, можно связать с формированием в США довольно многочисленного сообщества русскоязычной гуманитарной интеллигенции, которая проявляла интерес к отечественному литературному наследию.

Важным аспектом развития частного коллекционирования российских эмигрантов были их дары европейским и американским музеям, благодаря чему памятники русской культуры и искусства вливались в мировое музейное пространство. При этом в российском эмигрантском музееведении, если так можно условно назвать существующие публикации, посвященные различным историко-культурным центрам зарубежной России, не делается особой разницы между коллекциями русского происхождения, принадлежащими эмигрантам или иностранным учреждениям науки и культуры. П. Е. Ковалевский и другие авторы подчеркивают, прежде всего, историко-культурную значимость созданных российскими эмигрантами собраний. Размещение их в составе фондов и экспозиций европейских и американских музеев справедливо рассматривается ими как дополнительное подтверждение этой ценности. Что касается музеев, принадлежащих зарубежным соотечественникам или их общественным объединениям, то большинство историко-культурных центров, создававшихся в 1920 – 1960-е гг., т.е. имеющие в своей основе культурную традицию и мотивации «первой волны», было ориентировано на последующее возвращение своих собраний на родину, в Россию. Частично, это намерение реализуется в настоящее время. Новые институциональные структуры историко-культурного движения российского зарубежья, возникшие в конце XX – начале XXI вв., создавались не в целях спасения исторических ценностей, а для удовлетворения культурных потребностей зарубежных соотечественников и востребованы современным российским зарубежьем в США и других странах мира.

Таким образом, каждая из сберегавшихся эмигрантами коллекций имела свою неповторимую, а порой и драматическую историю, свою судьбу, отличалась определенным своеобразием. Но наряду с этим можно выделить немало общих черт, характерных для эмигрантских музейных собраний 1920 – 1930-х гг. (как общественных, так и частных).

Музеи российской эмиграции функционировали в соответствии с законодательством тех стран, где они размещались. Эмигрантские общественные организации, обладавшие статусом юридического лица и официально утвержденными уставами, осуществляли управление и распоряжались средствами созданных ими историко-культурных центров в рамках правил, которые действовали в той или иной стране в отношении общественных организаций. Так, Русский культурно-исторический музей в Праге входил в систему Русского свободного университета (РСУ) и управлялся музейной комиссией и директором, назначение которых осуществлялось Советом профессоров РСУ. Финансирование РКИМ также происходило из бюджета университета и в форме единовременных субсидий правительства Чехословакии. Примечательно, что формальным основанием для вывоза собраний музея в СССР в 1946 г. явился дар руководства РКИМ³⁴.

³³ Полчанинов Р. В. Молодежь русского зарубежья: Воспоминания. (1941 – 1951). М., 2009. С. 390.

³⁴ Фонды РЗИА в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 189.

Возникнув по инициативе самих эмигрантов, они за редчайшим исключением содержались за счет их же добровольных пожертвований и не включались в государственный реестр музеев страны пребывания. В большинстве случаев их основателям не приходилось рассчитывать на финансовую поддержку правительственных органов. Весьма скудный бюджет эмигрантских музеев, как правило, не позволял им нанимать штатных сотрудников и закупать ценные раритеты. Их коллекции пополнялись главным образом с помощью добровольных даров соотечественников, оказавшихся за рубежом.

Значительную проблему для создателей и хранителей эмигрантских музеев представлял поиск, наем и тем более приобретение по доступным ценам помещений для создания экспозиции и хранения фондов, вследствие чего их экспозиционная площадь была небольшой, включая обычно один – два зала (а иногда лишь угол комнаты), тесно заставленные шкафами, витринами, стендами и увешанные картинами и фотографиями, что в ряде случаев приводило к трудным, порой кризисным ситуациям с хранением фондов. В 1990-е гг. был фактически законсервирован музей общества «Родина» в Лейквуде³⁵.

У эмигрантов не хватало средств для проведения реставрации раритетов, возможностей для научной обработки и систематизации материалов. Работа сотрудников музеев велась на общественных началах, жалование получали один – два человека, обычно, наемный технический персонал. Тем не менее, в музеях осуществлялись разбор и изучение музейных предметов и архивов, готовились выставки и публикации. В рамках культурно-просветительной деятельности российской военной эмиграции в США, Европе и на Дальнем Востоке в 1920 – 1950-е гг. составлялись описи военно-исторических коллекций. Например, существует список и описание коллекции оружия полковника Н. А. Плетнева (из описи вещей, принадлежащих частным лицам и хранившихся в Донском музее в Праге)³⁶.

Говоря о типологии российских эмигрантских музеев XX в., необходимо учитывать также региональную специфику, которая в значительной степени определяла облик российских диаспор в различных странах мира, включая их историко-культурную активность. В рамках эмигрантского сообщества в том или ином городе или стране происходило взаимодействие историко-культурных центров и деятелей культуры; эмигрантская профессура, творческая интеллигенция, представители военной элиты были вовлечены в работу музеев и других культурно-просветительных учреждений в Париже, Праге, Белграде, Нью-Йорке, Харбине и во многих городах мира, где существовали очаги российской эмиграции. В настоящее время наши соотечественники продолжают свою подвижническую деятельность по сохранению музеев и коллекций, заслуживающую всяческого признания и уважения.

В перспективе представляется необходимым составление каталога музейных собраний российской эмиграции. Многие из них вызывают значительный интерес и служат ценным источником по истории не только российского зарубежья, но и России в целом.

³⁵ Юрьева И. Ю., Землякова О. К. Музейная коллекция и архив русско-американского общества «Родина» // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2008. Т. 5. С. 493-502.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 247. Л. 18-21, 27.

Информация о статье

Автор: Муромцева Людмила Петровна – канд. ист. наук, доцент, Россия, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, muromtseva_mila@mail.ru

Заглавие: Типология российских эмигрантских музеев.

Абстракт: В 1920 – 1930-е гг. за границей оказалось значительное количество историко-художественных ценностей российского происхождения. Часть их вошла в состав коллекций музеев и частных собраний, созданных российскими эмигрантами. Историзм как важнейшая идейная основа культурно-общественной деятельности российской эмиграции обусловил создание в зарубежной России различных типов музеев – историко-культурных, военно-исторических, церковно-исторических, археологических, мемориальных и др. Наиболее значительными среди музеев такого типа являлись Русский культурно-исторический музей в Праге, Музей русской культуры в Сан-Франциско и музей Общества «Родина» в Лейквуде (США). Российскими эмигрантами предпринимались и попытки создания научно-технических, краеведческих, этнографических и естественнонаучных коллекций и музейных объектов. Таким замечательным собранием обладало «Общество изучения Маньчжурского края» в Харбине. В настоящее время наши соотечественники продолжают свою подвижническую деятельность по сохранению музеев и коллекций, заслуживающую всяческого признания и уважения. В перспективе представляется необходимым составление каталога музейных собраний российской эмиграции. Многие из них вызывают значительный интерес и служат ценным источником по истории не только российского зарубежья, но и России в целом.

Ключевые слова: эмиграция, музеи, реликвии, коллекции.

Information on article

Author: Muromtseva Lyudmila Petrovna – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, muromtseva_mila@mail.ru

Title: The typology of museums of Russian Emigration.

Abstract: In the 1920s-1930s a large number of Russian objects of historical and art values were moved abroad. Some of them became part of the collections of museums and the private collections created by Russian emigrants. Historicism as the main ideological basis of the cultural and social activities of the Russian emigrants was the reason for creating different types of museums among the Russian Diasporas abroad – historical and cultural, military and historical, religious and historical, archeological, memorial etc. The most outstanding museums of such type were the Russian cultural and historical museum in Prague, the museum of the Russian culture in San-Francisco and the museum of the Society «Motherland» in Lakewood (the USA). Russian emigrants also tried to create scientific and technical, local history, ethnographical as well as scientific collections and museum objects. One of such wonderful collections belonged to the «Society of studying Manchuria region» in Harbin. At present, Russian emigrants continue their selfless activities aimed at preserving museums and collections, which deserves every recognition and respect. It is deemed necessary to create a catalogue of museum collections of the Russian emigrants in the future. Many of them arouse significant interest and serve as a valuable source on the history of not only Russian emigration but also Russia as a whole.

Key words: emigration, museums, relics, collections.